

Избранные тексты Даниила Фокина

Начало моей поэзии было положено отнюдь не поэтами или лириками, но культурой, которая доминировала в 2005 – 06 годах в г. Петрозаводске. Это была скримо-панк волна. И первые мои тексты, условно поэтические, были непосредственно связаны со словами, вложенными в крик. Поэтому можно сказать, что я возвращался в период истерии, в эстетике «акта кричания». Не того, что присутствовал у Маяковского, Маринетти, Гинзберга или Летова, а того, что был свойственен французской и итальянской скримо волне. Со временем во мне сформировалось четкое представление о том, как должен быть сложен текст, как он должен прочитываться и разгадываться. Я понял, что то, что узнается и отзывается в читателе – схожие переживания, события, сочувствие – зачастую либо лежит на поверхности стихотворения, либо понимается на каком-то когнитивном, ментальном уровне. Мне было это чуждо. Я не хотел, чтобы тексты прочитывались таким образом. Моими любимыми поэтами являются П. Элюар, С. Вальехо, Х. Хименес, У. Йейтс, Л. Аронзон, С. Звягинцев и И. Жданов.

Мне не хотелось представлять в текстах как чувствующий или делящийся опытом автор, хотя там и присутствует много личного. То, что я выдвигаю на первый план сейчас – картина, причем картина фрагментарная, коллажированная и проникнутая натурализмом и мифологией одновременно. Каждый фрагмент обладает частью целого. Это похоже в некоторой степени с экспрессионистским «строчным стилем» (Zeilenstil). Тексты, представленные в подборке выстроены по определенному ритмическому и семантическому рисунку, использованы внутрискрочные рифмы вместо классических. При этом события, демонстрируемые в каждом отдельном предложении-фразе, имеют относительную завершенность. Поэтому складывается впечатление никак не связанных сегментов, в которых нет абсолютно никакого смысла. Некоторые слова «лавируемы», они сдвинуты по строкам, перенимая на себя морфологические и синтаксические функции как предыдущей, так и последующей строк, но их также можно изъять из текста без потери общего смысла.

Вытеснение смысла на второстепенные роли, а также максимальное дистанцирование и завуалирование его посредством вышеобозначенных категорий и методик является следующей задачей, которую я вижу в поэзии для себя. Это позволяет избавиться «от внутреннего “Я” автора. Моей целью является – создать такой текст, который будет напрямую взаимодействовать с читающим, а не служить ментором и проводником между автором и читателем. В итоге – текст исчезнет, не будет запомнен, может быть пересказан... но этот контакт, который произойдет, станет самым актом творения поэтического воображения, лирического сознания, длящегося лишь в промежутке взаимодействия и оставляя после себя лишь фрагменты и словосочетания. Но не полный текст. Если бы меня спросили о том, какого направления я придерживаюсь, я бы ответил, что тяготею к символистско-экспрессионистскому стилю или «символическому экспрессионизму».

Данил Фокин

«раскрывшиеся в предрассветный час бутоны увязли в сне»

(часть поэмы)

Это – временем движимые горные кряжи звук издают падающего в воду камня
с высоты исполинской ущелья, на которое взглянуть не сумеешь – взор
не достигнет вершин. Они как надгробные плиты, под которыми не узнаёшь ты
прежде известные звуки. Лишь боишься, и ропщешь, теряясь.
но что-то, с давних знакомое пор, близко, рядом с тобой.
Его ты не видишь, но страшишься, что рухнет с вершин неизвестное,
что разломит хрупкие кости и пальцы.

Место, где каждый узнает себя не в отражениях,
а в чистом истоке ручья, представлялось тебе
в калейдоскопическом буйстве рваного сна
среди зноя снаружи шипящих деревьев.
Вновь и вновь пробуждался лишь ты, пока все остальное дремало.

Ты, Мефистофель-алхимик, что жаждал
Мир обратить в свой черный зрачок,
но сам в него загляделся. Ты, газовый Молох
невинность покинутых душ в черный костер обратить
ты желал, но забыл, что горит он уже под Великой Землею.
Помощь твоя не нужна! Там достаточно дров, чтобы быть
негасимым. Меркло сознание, тело обмякло и веки жгло
новым видением. Падают глыбы и разносится плеск,
тишину растворяя, петляет зычное эхо, в ухо твое
пробирается, лежащее мирно на холодном изголовье погоста.
Сухой тростник в твоих пальцах и мох
в волосах оттого, что так долго чрез лес ты взбирался,
добиться пытаясь до вечно-цветущего-сада.
Ты слышал о нем в одной басне, которую шепчут
деды седые маленьким внукам, чей красен лик от печного огня.
В этих землях-глазах, ирис цветет и играют цикады,
орхидеи, женьшень и жасмин наполняют

Молочные воды.

Ты вновь устал, стремившись туда, заблуждал
На окольном пути – заснул в предрассветьи.
Лишь росы нашел на ресницах и руки в земле.
Может быть снова тебе опуститься на дно
кипящей на востоке реки, чтоб узнать,
насколько прочности хватит плоти твоей, доживет ли она до утра. Знай,
покамест след пепла не стерт на затылке твоём
не будет тебе утешенья, покоя не будет пока
не кинешься вниз хрупким камнем.

Ты все еще буен! Быв среди лисов в норе
Ты выискивал зайцев и бежал по их бледным следам.
Средь волков очутившись – убежал на вершины,
прячась, погибнуть от пуль и капканов боясь.
Но кто же осудит теперь эту ночь неизвестную, если не ты?
Кто же поступит с ней так, как ты поступил, пробудившись – предав?!
Сейчас же лучи, бег вселенной, энергия штопают раны твои,
Поднимайся! Не страшись безвестного звука –
Это либо сердце твое, либо смерть. Тебе не узнать, коль не спросишь.

«непостоянство»

знали тебя песком,
увлажнявшимся соляными приboями,
приносимым в тёплые помещения -
терявшимся в твердых складках,
выносимым и разносимым всюду...
когда строилась башня ты соколом кружила
вокруг - в невесомости - притяжение
отринув огненный град ссыпался
распаленной медью, железом,
твердых пород очаг засыпал и
углями вставляли искалеченные

гранитные плиты - ты в груди вмещала
процессы.
жемчужиной ты находилась в глубинах
расщелин и впадин - покуда хватало
сил глотка несуществующий ор сжимала...
ты была тростником у речного плеса
вместе со всем окружающим менялись
изгибы твои и направления крена.

ты была постоянно там,
где бил и шумел порывистый ветер -
в нем обозначала себя ты.

«кристальные перспективы»

закристаллизовывается перспектива
смотрения в дальнее - процесс
тобою запущенный распространяется
влажной нитью раннего утра.
веет муссон из прибрежных (зло)-памятных мест.
родник выгибает химерически
сплавленные шеи,
шепча,
ты делаешь вдох трепещет
рука и тело опускается ниже
под каменным воздухом.
- Распредели по отсекам свои
состояния и я - в минуту
кровной тоски, искать подходящее стану!
слышу как механически движется
голос как шестеренки
вертят упрямо много-мерные,
-сложные
цепи в горле вселенной твоей.
мне кое-что нужно тебе описать,
попросив,
чтобы ты закрыла глаза
и неторопливо водила кончиком пальца
по буквам. Я замираю.

Евг.Сусловой

я поглощала с руки останки
расщепленных частиц.
Видела себя многоголовой
гидрой, вырывающейся из расплавленного
льда, с чешуёй всех на свете рыб —
Капли стекали неторопливо.
Раздавался, кажется, звук или шумело
пространство, проходя чрез препятствия.
Может мне скажут, как выглядит медленное,
светило медяное? Паргелий —
счастье алхимиков, поведение изотопов
в процессе, открывшем колодец.
В нем брали воду во тьме.
Разделяемость — вот та способность,
что деятельности право дает проявлять
Энаргейю. Вспомнить дано ли,
как в Ханаанской земле ты пленил Авраама,
молвить заставив историю
на всех языках? Превращался ли род,
кровь ли текла из уст алых Сибиллы?
Я помнила с детства ужасную сагу
о взгляде пронзительном окаменевшего лика,
который никто из живущих не в силах был вынести.
Я слышала все эти рассказы!
И слух, словно марля, впитал эти речи
«загробным промолвлены голосом».
Но в минуты прозрения — лишь одно
существовало вокруг без другого.
Как долго?
Как долго я шла к рубежу?
на нем, обернувшись назад, все забудешь.
Вперед посмотрев — вспомнишь все.
Но тогда, в эту гиблую предрассветную пору,
я закрыла руками глаза.

«Покинувшей, но оставшейся тенью»

И.С.

Вóсковые губы касаются бережно
чела; ребенок не спит. Он в поту.
Через мир, что проявлен как пленка
виден дом, мебель ампир, пелёнка,
но все сковано взром твоим, все печально.
В агонии яростной, в сонном бреду
отзывается сердце и пальцы касаются,
медленно приближаются ко рту.
Слышится только и лишь
скуление в храме, где святых - за барыш,
а после - на тротуаре - гоняют, пинают,
а ты, родной, все спишь,
бредишь, сновидишь, кричишь - остановись!
рядом песчинки в часах
нескончаемо - твое время - водоворот,
песковорот, снóворот - сансара.
Ты видел себя в стране, где простой народ
улыбчив, счастлив, глаза девушек словно опалы, кристаллы...
но выпал снег, милый.
Ты помнишь, как холодно стало,
когда ты глаза отворил и душа не узнала -
жив или мёртв, мать или сын?
Как вскрикнул в испуге, до дрожи,
до накрепко стиснутых мышц,
дёсна алели, на горизонт предрассветный похожи.
Но ты узнал потом, милый, ты - все потом
позже узнал и слабо поднялся
с мокрой постели - и правда, рассвет занимался.
Ты взглянул понимающе, так,
с такой ясностью и может смирением
смотрят только прозревшие.
На столе, помнится, стоял красный мак,
с его пьянительным дуновением
доносился мерный ресниц твоих взмах.
Я подошла к тебе. Взяла за́ руки.
Ты был еще так слаб.
И после огромного твоего кошмара
в окно пробился благостный свет, а ты
двигался в такт дуновению редкому,

что из-под запертой двéри, сквозь щели,
улыбнулся, обмяк. Среди этой метели -
твой мирный сон маяк.
Ребенок снова в постели.
Ты глядишь чрез отворенные створки внутрь.
Глаза твои постепенно пустеют
ты прозрачна, ты всюду вновь, Абсолют...

«Вперед смотрящий да не увидит...»

восхода прохладная нить
выставляет нутро напоказ -
пышущее, пылающее.
И вкладывает в глаза
медленный покой ожидания.
Каков ты! я всласть упиваюсь,
под сводом твоим ланью дрожа,
с росой на тощих боках,
я наполняюсь сладостным твоим ароматом!
В нем сокровенное нечто таится.
Тот запах! Красный и спелый
как расцветшие маки - ты
запечатлена во многом вокруг.
вещи оживают, тобой становясь.
одной.
скошенная трава на поверхности, поле.
Руки, безропотно на животе
ровно и тихо дышáщей фигуры
листья, увившие огненный храм.
и мутные черты мятного месяца в дымке,
тумана Месяца Летних Дождей.
Обоняние приобретает привычку
чувствовать рядом тебя.
Под стремительным, спешным потоком
облаков, в отверстиях коих видны
облака другие -
высвеченные перспективы фона
невидимым светом. Я нахожусь,
останавливаюсь, остываю, замечаю
как меняет расположение стрелок
мой циферблат как вектора

преломляются, указывая на неизвестное,
где теряются мои направления.

«заметка вложенная в уста немому»

Сколько раз я смотрел
как стеклянные звери ищут
в прозрачных зрачках твоих место-
нахождение слез.
сколько раз под порывом
блестящего ветра, что бушует у ног,
я хотел твои стопы увидеть и представить
как мягко ступают они по земле.
Внешний круг замыкал состояние
и в центре его - лилово-синем просторе -
испуганный, робкий метался твой взгляд
словно птица, лишённая клетки...

Фокин Данил. Родился 5.06.1990 в г. Петрозаводске (респ. Карелия). Учился в педагогическом университете на отделении немецко-английского языка. Защищал курсовые работы по «параллелизму экзистенциальной философии и когнитивной личностной психологии», «цветовой палитре немецкого экспрессионизма (на примерах текстов Г. Гейма)» и на данный момент занимается исследованием позднего творчества Ф. Гельдерлина.